

УДК 32.001:167

Ян Юрьевич Моисеенко
магистрант Института
социально-политических наук
Уральского федерального университета
имени первого Президента России
Б.Н. Ельцина, г. Екатеринбург.
E-mail: yan.moisseenko@mail.ru

Ольга Фредовна Русакова
доктор политических наук, профессор,
заведующая отделом философии
Института философии и права УрО РАН,
г. Екатеринбург.
E-mail: rusakova_mail@mail.ru

СОВРЕМЕННАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ/ФИЛОСОФИЯ В ЗЕРКАЛЕ ИССЛЕДОВАНИЯ МЭТЬЮ ДЖ. МУРА¹

В статье осуществлен критический анализ результатов исследования состояния современной американской политической теории/философии, проведенного Мэтью Дж. Муром. Итоги исследования были представлены на Симпозиуме APSA в 2009 г. Отмечается масштабность работы, проведенной М. Дж. Муром, а также важность поставленной цели – определение места политической теории в системе политических наук, получение информации о степени влиятельности конкретных политических философов на умы американских политических теоретиков, об участии респондентов в деятельности общественно-научных ассоциациях ученых. Главным предметом критики выступает увлечение Мура количественным подходом при анализе научного кругозора политических теоретиков и субъективным методом, заложенным в основу составления рейтингов политических теоретиков современности и ближайшего будущего. Авторы выражают свое согласие с рядом критических замечаний, высказанных в ходе дискуссии рецензентами исследований Мура. В то же время проделанная работа, по мнению авторов, служит толчком для проведения аналогичных исследований в других национальных политологических сообществах, в частности среди российских политических философов.

Ключевые слова: политическая теория, политическая философия, политические теоретики, американская политическая наука, Американская Ассоциация Политической Науки, позитивизм, количественные методы, качественные методы.

Во второй половине XX столетия в Соединенных Штатах сложилось относительно устойчивое научное сообщество, специализирующееся на изучении проблематики политической философии, которая, согласно национальной традиции, обозначается термином «политическая теория». Выделение политической теории (политической философии) в качестве самостоятельной отрасли политической науки осуществлялось посредством преодоления позитивистской критики и целого ряда методологических предрассудков.

Согласно весьма распространенной и по сей день позитивистской точке зрения, научный интерес могут представлять только те политические теории, которые избегают ценностных суждений. В американской

---

¹ Статья подготовлена при поддержке РФФИ (РГНФ): грант № 13-13-66001a(p).

политической науке идеалом политической теории долгое время считались исследования, базирующиеся на методах бихевиоризма и количественных методах политической социологии.

В центре научных дискуссий, развернувшихся среди политологов США в середине прошлого века, оказался вопрос о том, должна ли политическая наука включать в себя вопросы политической теории, которая не опирается на парадигму бихевиоризма и эмпирические исследования. Представители позитивистского подхода приходили к выводу о том, что политическая теория переживает эпоху своего заката и утрачивает значение для получения нового знания. Большую роль в восстановлении престижа политической теории сыграл в свое время Лео Штраус, который в период с 1948 г. по 1973 г. работал на факультете политической науки в Чикагском университете. Штраус отстоял неизбежность ценностного подхода при изучении политических явлений. Он также утверждал, что стремление к научному, истинному знанию не противоречит аксиологической парадигме, согласно которой идеи свободы и справедливости не менее значимы для действующих политиков, чем эмпирические политические исследования [4, с. 44-49].

Значительный прорыв в области повышения научной и практической значимости политической теории произошел после издания знаменитой работы Джона Ролза «Теория справедливости», изданной в Гарварде в 1971 г. Книга Ролза произвела настоящий фурор в американском и англосаксонском политологическом сообществе. Авторитет ее оказался настолько велик, что сослаться на нее стало не просто нормой, но и правилом хорошего научного тона [5, с. 14-15].

За работой Ролза последовало множество публикаций, посвященных разработкам политических теорий мировоззренческого характера, включая теории демократии, либерализма, коммунитаризма, феминизма, мультикультурализма и др. Однако несмотря на рост влияния политической теории в исследовательских кругах США продолжает бытовать такое негласное мнение, что к политической теории необходимо обращаться по большей части в тех случаях, когда исчерпаны возможности ответа на поставленные вопросы в рамках других политологических дисциплин.

В результате формируется представление о политической теории как о некоей «собирающей», метафизической дисциплине по отношению к прочим, более самостоятельным и конкретным разделам политической науки. Также возникает вопрос о том, может ли вообще политическая теория иметь статус научной политологической дисциплины в том смысле, в котором этим статусом обладают «политический маркетинг», «политическая экология» и прочие области исследования, носящие выраженный прикладной характер.

Неопределенность status quo политической теории сегодня серьезно беспокоит большую группу американских исследователей, в особенности тех, чьей специальностью она непосредственно является. Доказательством выступает проведенное доцентом Калифорнийского политехнического

университета Мэтью Дж. Муром в 2008 г. масштабное исследование, главной целью которого стала систематизация существующих в научной среде представлений о том, какое место занимает политическая теория в сообществе разнообразных политологических дисциплин на настоящий момент. Итоги проделанной работы вошли в отчетный обзор, представленный на Симпозиуме «Политические теоретики», проходившем в рамках ежегодной сессии Американской ассоциации политической науки (APSA) в 2009 г. в г. Балтимор и опубликованный под названием «Политическая теория сегодня: результаты национального опроса» [9].

Прежде всего необходимо отметить уникальный характер проделанной М. Дж. Муром работы. С момента создания Американской Ассоциации политической науки (APSA) не было зафиксировано ни одной попытки проведения социологического опроса профессиональных политологов страны с целью дать конкретный и лаконичный ответ на вопрос: «Чем же является политическая теория?» [9, с. 263]. Однако прежде чем перейти непосредственно к анализу результатов исследования М. Дж. Мура необходимо кратко остановиться на его методологических особенностях. В основу исследования был положен организованный и проведенный Муром масштабный социологический опрос, охвативший около 2 тыс. преподавателей университетов и четырехгодичных колледжей, в результате которого было получено 1086 откликов. В распространенных Муром по сети Интернет анкетах значился широкий спектр вопросов, относящихся к дисциплинарному статусу политической теории в настоящий момент. Каждый вопрос предлагал респондентам взглянуть на политическую теорию под своеобразным углом. Объединив их ответы на все вопросы, Мур рассчитывал в конечном итоге получить своего рода «слепок» состояния политической теории, во-первых, как самостоятельной и самодостаточной дисциплины, во-вторых, как имманентного элемента всей политической науки. Вопросник Мура был составлен таким образом, что проблемы, которые в нем затрагивались, можно было условно объединить в несколько групп.

В первую группу включены вопросы будничного порядка, например такие: специфика преподавания политической теории студентам-бакалаврам, особенности повышения квалификации выпускников в изучении политической теории/философии в их пост-дипломный период. К числу подобного рода «объективных» вопросов следует отнести и такие: сколько времени в среднем преподаватель политической теории проводит в должности, предшествующей заключению бессрочного контракта (*tenure track position*); какое количество публикаций в научных изданиях и сборниках необходимо для получения бессрочной должности.

Ко второй условной группе относятся вопросы субъективного плана, апеллирующие к представлениям респондентов о наиболее авторитетных авторах, сделавших научное имя в рамках политической теории в последние двадцать лет. Иными словами, от респондентов требовалось отдать некое число голосов в пользу фигуры того или иного поли-

тического философа и теоретика, который, по их мнению, внес наиболее существенный вклад в развитие политической мысли. В таком же ключе предлагалось сделать прогноз на двадцать лет и составить рейтинг ученых-теоретиков, еще не сказавших веского слова в науке на сегодняшний день, но подающих большие надежды на будущее и способных оказать существенное влияние на дальнейшее развитие политической теории. По той же схеме Мур предложил респондентам проголосовать за наиболее авторитетные издательские дома, периодические журналы по политической науке и кандидатские программы по политической теории, предлагаемые университетами.

К третьей группе можно отнести вопросы, затрагивающие проблемы серьезных, метафизических масштабов. Например, респондентам было предложено сделать заключение об органичности присутствия такого предмета, как «политическая теория», в учебных программах департаментов по политической науке в американских вузах. Участникам также предлагали раскрыть тему самоидентификации политических теоретиков, выразить личное отношение к собственному преподавательскому опыту, указать, насколько эта сфера научной деятельности признается коллегами, которые сами не занимаются вопросами политической теории.

Целью данной статьи не является подробный пересказ всех ответов, которые респонденты представили по указанным выше позициям, ибо в таком контексте статья дублировала бы отчет Мура, представленный им на Симпозиуме. Мы предпримем попытку провести методологический анализ преимущественно тех результатов исследования, которые сам Мур и его критики-рецензенты выделили в качестве ключевых.

То каким образом выбранная Муром методология исследования изначально влияет на конечные выводы, вполне наглядно проиллюстрировано в трех критических откликах, которые были высказаны на Симпозиуме, а затем опубликованы в виде рецензий в журнале «Political Science» в апреле 2010 г. В качестве рецензентов выступили Джоди Дин [7], Марта Аксельберг [6] и Кеннан Фергюсон [8]. Их критические замечания в основном касались того факта, что М. Дж. Мур, представив неоднозначные и противоречивые результаты, не дал им никакой развернутой интерпретации. Таким образом, он не только не пролил свет на вопрос о положении политической теории в семействе политологических дисциплин, но и еще больше «расфокусировал» проблематику ее дисциплинарного статуса. С нашей точки зрения, подобная реакция критиков была вполне предсказуема, так как противоречивость результатов опроса была во многом обусловлена противоречивостью выбранной Муром методологии исследования.

Во-первых, противоречивыми оказались сведения по такому объективному показателю, как наличие в учебных вузовских программах предмета «политическая теория». Согласившиеся принять участие в опросе 1086 политических теоретиков дали информацию, что только в 59% всех департаментов по политической науке при американских вузах политическую теорию изучают как отдельную дисциплину, тогда как учебные про-

граммы 20,3% департаментов такого предмета не предусматривают. Между тем политическую науку в вузах преподают [9, с. 265]. Естественно, такой факт вероятнее всего может трактоваться как признак недостаточного авторитета политической теории, так как если не учитывать 20,7% университетов, где политология в учебных программах отсутствует полностью, то получается, что в одной четвертой части департаментов по политической науке считается, что такой предмет, как «политическая теория», не входит в перечень научных дисциплин, необходимых для освоения политической науки в целом.

Во-вторых, среди вопросов было несколько, на которые от респондентов требовалось дать либо положительный, либо отрицательный ответ, либо выразить сомнение. Первое утверждение – «Политическая теория – авторитетная дисциплина в моем департаменте» – получило положительный ответ 75,4% респондентов, несогласие с ним выразили 15,5% опрошенных [9, с. 266]. Сомнение в авторитетности политической теории среди коллег-политологов высказали 9,1% респондентов. Однако, согласно результатам, полученным в ответ на вопрос, является ли политическая теория авторитетной среди ученых, безотносительно того, работают они или не работают в том же департаменте, что и респонденты, положительный ответ дали только 23,9% респондентов, то есть меньше одной четверти, 46,6% респондентов скептически отнеслись к этому тезису. Оставшиеся 29,5% не смогли дать однозначного ответа [9, с. 266].

Одна из рецензентов исследования М. Дж. Мура Джоди Дин выразила в своем критическом эссе недоумение по поводу того, какой смысл скрывается за всеми этими результатами, если возникают вопросы при их сопоставлении. Каким образом может сочетаться уважение к политической теории в департаментах по политической науке, представителями которых являются три четверти опрошенных ученых, с неуважением к ней со стороны прочих политологов? Это было бы возможно, если бы те теоретики, которые голосовали за «уважение к политической теории в их департаменте», были сконцентрированы целиком в одних и тех же департаментах по политической науке, где при этом отсутствовали бы политологи, не занимающиеся теоретическими вопросами. В таком случае у них, действительно, не было бы повода обвинить последних в игнорировании важности изучения политической теории.

Другой рецензент – Марта Аксельбер предприняла попытку объяснить данный парадокс с точки зрения психологического момента, согласно которому, каждый преподаватель вне зависимости от специализации хотя бы раз в своей карьере преподавал курс введения в политическую теорию студентам-бакалаврам младших курсов [6, с. 281]. По ее мнению, в университетах и в гуманитарных колледжах США подобная практика является важным элементом социализации нового сотрудника в департаменте. Человек, прошедший через этот опыт, осознает важность знания «корней» политики, уходящих в теорию, и в будущем может вплетать некоторые теоретические сентенции в читаемые им регулярные курсы, в том числе и при-

кладного характера, демонстрируя перед студентами важность теоретического знания.

Учитывая замечания, данные М. Аксельберг, мы вполне можем предположить, что в процессе политологической «инициации» молодой преподаватель, лично и глубинно проникаясь важностью теоретического знания для всей политической науки, начинает осознавать недооценку ее роли ближайшим научным сообществом. При этом в его памяти закрепляется представление о том, что сам он лично приобрелся в ходе чтения вводного курса к политической теории.

Критики Мура отмечают его безусловную приверженность количественным методам исследования при измерении влиятельности политической теории среди американских политологов. В итоге Мур лишь констатирует некие результаты, не считая необходимым их как-то прокомментировать, дать определенную оценку состоянию политической теории, особенностям ее дисциплинарного позиционирования на политологическом рынке. Иначе говоря, Мур сознательно следует позитивистской методологии, предлагая исключительно социологический срез рассматриваемой проблемы. В итоге тем, кто озабочен повышением статуса политической теории, предлагается самим сопоставить и проанализировать разнородные показатели вроде «количество лет, проведенных в качестве соискателя», «процент женщин в политической теории», «число часов в учебном плане преподавателя, отведенных на политическую теорию» и т.п.

В то же время следует отметить, что в ряде предложенных Муром вопросов заложены определенные представления о гендерных особенностях научных достижений в области политической теории. Поясним этот тезис на примере выстроенных Муром рейтингов ученых, внесших, с точки зрения респондентов, наиболее серьезный вклад в политическую науку за последние двадцать лет. Мэтью Мур представил этот материал в виде таблицы [9, с. 267]. Авторы (в табл. 1) приводят данные из названной таблицы Мура.

Таблица 1
Рейтинг ученых, внесших наибольший вклад в политическую теорию
за последние 20 лет

Количество голосов / Votes	Имя / Name
279	Ролз Джон / Rawls, John
148	Хабермас Юрген / Habermas, Jürgen
122	Фуко Мишель / Foucault, Michel
84	Коннолли Уильям / Connolly, William
73	Штраус Лео / Strauss, Leo
71	Уолцер Майкл / Walzer, Michael
70	Тэйлор Чарльз / Taylor, Charles
64	Уолин Шелдон / Wolin, Sheldon
62	Батлер Джудит / Butler, Judith
53	Арендт Ханна / Arendt, Hannah
45	Скиннер Квентин / Skinner, Quentin
44	Рорти Ричард / Rorty, Richard

Окончание табл. 1

37	Сэндел Майкл / Sandel, Michael
37	Янг Айрис Марион / Young, Iris Marion
35	Мэнсфилд Харви / Mansfield, Harvey
35	Нуссбаум Марта / Nussbaum, Martha
27	Макинтайр Аласдер / MacIntyre, Alasdair
26	Деррида Жак / Derrida, Jacques
25	Нозик Роберт / Nozick, Robert
25	Патмен Кэрол / Pateman Carole
24	Даль Роберт / Dahl, Robert
21	Блум Алан / Bloom, Allan
21	Кимлика Уилл / Kymlicka, Will
19	Рональд Дворкин / Dworkin, Ronald
17	Барбер Бенжамин / Barber, Benjamin
17	Пангл Томас / Pangle, Thomas
15	Браун Венди / Brown, Wendy
14	Агамбен Джорджо / Agamben, Giorgio
14	Покок / Rosock, J.G.A.
14	Фогелин Эрик / Voegelin, Eric
13	Берлин Исая / Berlin, Isaiah
12	Бенхабиб Сейла / Benhabib, Seyla
12	Оакшот Мишель / Oakeshott, Michael
11	Элштейн Жан / Elshtain, Jean
11	Шкляр Джудит / Shklar, Judith
10	Делез Жиль / Deleuze, Gilles
10	Сен Амарти / Sen, Amartya
9	Фрейзер Нэнси / Fraser, Nancy
9	Пти Филипп / Pettit, Philip
8	Галстон Уильям / Galston, William
8	Шмит Карл / Schmitt, Carl
7	МакКиннон Катарин / MacKinnon, Catharine
7	Питкин Ханна / Pitkin, Hanna
6	Шапиро Ян / Shapiro, Ian
5	Бодрийяр Жан / Baudrillard, Jean
5	Хантингтон Самуэль / Huntington, Samuel
5	Лаклау Эрнесто / Laclau, Ernesto
5	Рансьер Жак / Ranciere, Jacques
5	Рикер Поль / Riker, William
5	Жижек Славой / Žižek, Slavoj
4	Гадамер Ханс-Георг / Gadamer, Hans-Georg
4	Хардт Мишель / Hardt ~Michael
4	Негри Антонио / Negri ~Antonio
4	Ницше Фридрих / Nietzsche, Friedrich

Из табл. 1 видно, что на первой строчке находится Джон Ролз с 279 голосами респондентов. И это не удивительно, поскольку он до сих пор считается чуть ли не основателем американской политической теории. На строчку ниже расположился со значительным отрывом Юрген Хабермас (148 голосов) – создатель теории коммуникативного действия и социальной теории дискурса. На третьем месте – Мишель Фуко (122 голоса).

То, что М. Фуко вошел в тройку лидеров, нас несколько удивило, поскольку в американские учебные программы по политическим наукам он был включен сравнительно недавно. Правда, в последнее время внимание к его творчеству заметно усилилось, в том числе и внутри APSA. Четвертое место занял Уильям Коннолли (84 голоса) – доктор философии, преподаватель департамента политической науки Университета Джона Хопкинса (Балтимор), специалист в области теории международных отношений и плюрализма. Первую пятерку вполне заслуженно замыкает Лео Штраус (73 голоса) – теоретик политического консерватизма.

Из таблицы видно, что теоретики-мужчины лидируют в научной известности и количественно доминируют в рейтинговой иерархии. Первая женщина-политический теоретик из приведенного списка значится лишь на девятой строчке. Это Джудит Батлер (62 голоса), известная российскому читателю прежде всего по работе «Психика власти» [1], а также по серии исследований, посвященных философии и теории гендера. Следом за ней идет Ханна Арндт (53 голоса), имя которой ассоциируется с теорией тоталитаризма и философией активного действия. Другие известные женщины-теоретики, а именно, Айрис Янг (37 голосов) и Марта Нуссбаум (35 голосов), расположились в списке влиятельности между Ричардом Рорти (44 голоса) и Аласдером Макинтайером (27 голосов). В середине таблицы промежуточное место между И. Берлиным и М. Оакшотом заняла известная исследовательница делиберативной политики, мультикультурализма и теории феминизма Сейла Бенхабиб [2]. Первую двадчатку рейтинга замыкают французский структуралист Жак Деррида и американский либертарианец Роберт Нозик. Ближе к концу списка оказались неомарксистские авторы постмодернистского толка Эрнесто Лаклау и Славой Жижек (по 5 голосов), а также левые критики современной глобализации Мишель Хардт и Антонио Негри (по 4 голоса каждый). В той же замыкающей список группе неожиданно оказался Фридрих Ницше, которого по формальным признакам трудно отнести к современным политическим теоретикам. К нашему удивлению, респонденты не отметили такие известные имена весьма влиятельных современных политических философов и теоретиков, как Фридрих фон Хайек, Наум Хомский, Ален Бадью, Фрэнсис Фукуяма.

Незначительная доля женских имен в приведенной таблице не могла не разочаровать критиков, разделяющих феминистские установки. Так например, Джоди Дин в своей рецензии на работу Мура определила эданный сюжет в его исследовании как «теоретическую порнографию» (theory porn), увидев в указанном рейтинге скорее угрозу, чем пользу для укрепления престижа политической теории/философии [4, с. 274]. В данном резком высказывании, по-видимому, есть определенный резон, который продиктован обозначившейся в последние годы тенденцией увеличения доли женщин в общем числе политических теоретиков не только среди американской научной общественности, но и в политологических сообществах других стран. Согласно данным за февраль 2010 г., среди политологов США, преподающих в вузах и являющихся членами APSA, женщины

составляют 31,8% [9, с. 265]. Кстати, можно отметить, что примерно такой же процент женщин входит в состав Российской ассоциации политической науки (РАПН). Более того, в последние годы именно женщины составляют большинство в руководящих органах РАПН (15 из 21 членов Правления, Ревизионной комиссии и Научного совета). На протяжении последних лет женщины становились президентами РАПН (О.Ю. Малинова, О.В. Гаман-Голутвина), выступали в качестве руководителей исследовательских комитетов и научных секций РАПН [3].

Предметом критических замечаний выступает ярко выраженный субъективный характер данных, приводимых в рейтинговых таблицах, претендующих на выявление некой объективной картины, призванной дать ответ на вопрос о статусе политических теоретиков и их влиятельности в профессиональном сообществе политологов. Ситуация такова, что за основание принимаются частные мнения, которые далеко не всегда можно отнести к объективным суждениям о вкладе того или иного исследователя в современную политическую теорию/философию. Простое суммирование голосов, которые были поданы за того или иного ученого, отражает не столько его реальную значимость в сфере разработки оригинальной политической теории, сколько кругозор и эрудицию самих опрошиваемых.

Существует также сомнение, что результаты рейтинга в значительной степени определялись количеством учебных часов, отведенных на изучение трудов конкретных теоретиков. В связи с приведенными соображениями у рецензентов сложилось мнение, что данный рейтинг может служить скорее мерилем просвещенности читательской аудитории, а также репрезентативным показателем моды на определенные имена и труды ученых, чем показателем реальной научной влиятельности тех или иных политических теоретиков/философов. Существует также опасение, что данные рейтинга могут быть истолкованы таким образом, что в учебных программах количество часов, отведенных на изучение конкретного автора, будет приведено в соответствие с количеством набранных им баллов. К примеру, творчеству Джона Ролза будут уделять времени в 55 раз больше, чем творчеству Жана Бодрийяра, Самуэля Хантингтона, Эрнесто Лаклау, или совсем перестанут тратить время на изучение их трудов. В том же ключе возможно трактование и рейтингов «кандидатских программ», «престижных журналов», факультетов и департаментов, а также перспективных ученых будущего. В табл. 2 приведены некоторые данные из предыдущей рейтинговой таблицы [9, с. 268].

Если сопоставить данные табл. 1 и табл. 2, то в первой пятерке из прежнего рейтинга сохраняет свою лидерскую позицию только один теоретик – Уильям Коннолли (37 голосов). Он существенно обгоняет не только Юргена Хабермаса (10 голосов), но также и Джона Ролза (5 голосов).

Представленный рейтинг любопытен в плане того, что в табл. 2 появляется много новых, малоизвестных широкой научной общественности имен. Однако «за кадром» осталось, на наш взгляд, важное логическое звено, которое методологически необходимо было включить в программу

Таблица 2

**Рейтинг ученых, демонстрирующих блистательную работу уже сегодня
и сохраняющих за собой статус авторитета в политической теории
в течение следующих 20 лет**

Количество голосов / Votes	Имя / Name
40	Маркелл Патчен / Markell, Patchen
39	Браун Уэнди / Brown, Wendy
37	Коннолли Уильям / Connolly, William
29	Хониг, Бонни / Honig, Bonnie
19	Мэнсфилд Харви / Mansfield, Harvey
19	Нуссбаум Марта / Nussbaum, Martha
18	Кимлика Уилл / Kymlicka, Will
18	Тэйлор, Чарльз / Taylor Charles
17	Пти Филипп / Pettit, Philip
16	Бенхабиб Сейла / Benhabib, Seyla
16	Батлер Джудит / Butler, Judith
15	Денин Патрик / Deneen, Patrick
15	Пэнгл Томас / Pangle, Thomas
15	Уолцер Майкл / Walzer, Michael
14	Обен Роксана / Euben, Roxanne
14	Цукерт, Майкл / Zuckert, Michael
13	Шапиро Ян / Shapiro, Ian
12	Драйзек Джон / Dryzek, John
11	Гутман Ами / Gutmann, Amy
10	Хабермас Юрген / Habermas, Jürgen
9	Сен Амарти / Sen, Amartya
8	Рансьер Жак / Ranciere, Jacques
7	Хиршман Нэнси / Hirschmann, Nancy
6	Дин Джоди / Dean, Jodi
5	Коллинс Сьюсан / Collins, Susan
5	Ролз Джон / Rawls, John
5	Жижек Славой / Žižek, Slavoj

исследования М. Дж. Мура, а именно, вопрос о том, на основании каких критериев респонденты прогнозировали будущий успех работающих ныне политических теоретиков. Отсутствие данного момента значительно снижает научную ценность весьма интересного по своему замыслу опроса. В итоге вниманию читателей и рецензентов представляется некая количественная панорама будущих звезд политической теории, составленная из множества субъективных мнений, а потому весьма спорная и поверхностная. При отсутствии артикулированной методологии изучения предпочтений респондентов приведенные в табл. 2 результаты могут сыграть «злую шутку» с общим имиджем политической теории как дисциплины, претен-

дующей на глубокую методологическую проработку и на повышение своего статуса в обозримом будущем. Неудивительно, что один из рецензентов исследований Мура, а именно Кеннан Фергюсон, определил попытку количественно «вычислить» должное место политической теории в пантеоне политических наук как процедуру «противоречащую духу самой политической теории» [8, с. 277]. Рейтинги и списки, если при их составлении руководствуются исключительно количественными методами, всегда несут в себе некую тоталитарную составляющую, что в корне противоречит ценностному началу политической философии.

В то же время следует отметить, что часть приведенных М. Дж. Муром данных могут вызвать определенный интерес у российских политологов, которые в настоящее время еще слабо интегрированы в профессиональные общественные научные и педагогические сообщества как национального, так и международного уровней. В этом плане примером научной общественной активности, несомненно, могут служить политологи США, принявшие участие в опросе. Опрос показал, что большинство опрошенных являются членами 28 профессиональных организаций США и мира.

Далее (табл. 3) приводятся некоторые выдержки из таблицы, представленной в работе Мура, в которой дан рейтинг общественных ассоциаций политологов, куда входят респонденты [9, с. 270].

В целом исследование М. Дж. Мэтью можно считать важным шагом на пути изучения вопросов, касающихся понимания американскими политологами роли и значения политической теории в ее философском измерении для развития всего семейства политических наук. Работа на конкретном социологическом материале дает определенное представление о разных формах дисциплинарного и междисциплинарного бытия политической теории в институциональных контекстах жизнедеятельности департаментов политической науки и профессиональных объединений типа APSA. Представленный на Симпозиуме, посвященном политическим теоретикам, авторский отчет о проделанном исследовании вызвал большой интерес у всех его участников, что нашло отражение в развернувшейся полемике, порой весьма резкой.

Споры показали, что работа М. Дж. Мура дает толчок не только для размышлений о сложившейся в вузах ситуации, связанной с авторитетом и изучением политической теории/философии в контексте учебных планов департаментов по политическим наукам, но и заставляет еще раз задуматься о теоретико-методологических основах, а также о практических целях и задачах всей политической науки в целом. Эту перспективу сам Мур обозначил следующим образом: «Надеюсь, что результат данной работы станет поводом для дискуссий, выходящих за рамки не только того, что мы зовем политической теорией, но и всей политической науки» [9, с. 270].

В заключение отметим, что критические замечания, высказанные нами относительно методологии рассматриваемого исследования, носят главным образом характер профилактики в отношении будущих проектов изучения ситуации, касающейся того, какое внимание уделяется развитию

Таблица 3

Рейтинг профессиональных организаций, связанных с политической теорией, к которым принадлежат респонденты/Rank Ordering of Professional Organizations Related to Political Theory to Which Respondents Report Belonging*

ГОЛОСА/VOTES	ОРГАНИЗАЦИИ/ORGANIZATIONS
496	Американская ассоциация политической науки/American Political Science
123	Ассоциация политической теории/Association for Political Theory
95	Западная ассоциация политической науки/Western Political Science Association
61	Ассоциация политической науки Среднего Запада/Midwest Political Science Association
36	Международная конференция по изучению политической мысли/ International Conference for the Study of Political Thought
33	Американское общество за политическую и легальную философию/American Society for Political and Legal Philosophy
27	Ассоциация международных исследований/International Studies Association
24	Южная ассоциация политической науки/Southern Political Science Association
16	Северовосточная ассоциация политической науки/Northeastern Political Science Association
14	Ассоциация политической науки Новой Англии/ New England Political Science Association
10	Международная ассоциация политической науки/ International Political/ Science Association
8	Американское философское общество/ American Philosophical Association
6	Канадская ассоциация политической науки/ Canadian Political Science Association
5	Общество Оакшотта/Oakeshott Association
5	Общество Руссо/ Rousseau Association
4	Американское общество Гегеля/ Hegel Society of America

* Список включает только те ассоциации, которые были названы в ответах респондентов.

политической теории/философии в различных национальных политологических сообществах. Мы, в первую очередь, имеем в виду важность проведения похожего исследования для изучения места и роли современной политической философии в системе дисциплин, которые преподаются в политологических департаментах российских вузов. Исследования по данной проблематике включают в свой методологический арсенал не только количественные, но и качественные параметры, благодаря чему станет возможным представить более или менее объективную картину места и роли политической философии среди политических наук и степени авторитетности политических философов в сфере политологической и гуманитарной общественности России.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Батлер Дж.* Психика власти: теории субъекции. Харьков: Харьковский центр гендерных исследований (ХЦГИ) ; СПб. : Алетейя, 2002. 168 с.
2. *Бенхабиб С.* Притязания культуры. Равенство и разнообразие в глобальную эру : пер. с англ. / под ред. В.И. Иноземцева. М. : Логос, 2003. 350 с.
3. Материалы к отчетно-выборной конференции Общероссийской общественной организации Российской ассоциации политической науки, Москва, 25 нояб. 2010 г. М., 2010. 50 с.
4. *Русакова О.Ф.* Политическая философия: предмет, концепт, дискурс. Екатеринбург : Издат. Дом «Дискурс-Пи», 2012. 400 с.
5. *Русакова О.Ф.* Интеллектуальные вехи и дискурсные повороты в истории современной политической философии // Науч. ежегодник Ин-та философии и права Урал. отд-ния Рос. акад. наук. 2011. Вып. 11. С. 7-22.
6. *Ackselberg M.* Political Theory Today: Who Is Teaching What To Whom? Some Reflections // PS : Political Science & Politics. 2010. Vol. 43, is. 2, apr. P. 279-282.
7. *Dean J.* Theory Survey or Survey Theory? // PS : Political Science & Politics. 2010. Vol. 43, is. 2, apr. P. 273-274.
8. *Fergusson K.* Subfield Hockey: a Reaction to Matthew Moore's National Survey of Political Theorists // PS : Political Science & Politics. 2010. Vol. 43, is. 2, Apr. P. 275-277.
9. *Moore M. J.* The Profession Symposium Political Theory Today: Results of a National Survey. // PS : Political Science & Politics. 2010. Vol. 43, is. 2, apr. P. 263-272.

Материал поступил в редколлегию 05.07.2013 г.

Yan Y. Moiseenko, graduate student, Institute of Social-Political Sciences, Ural Federal University named after B.N. Eltsin, Ekaterinburg. E-mail: yan.moiseenko@mail.ru

Olga F. Rusakova, Doctor of Political Science, full professor, Head of Philosophy Division, Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences. Ekaterinburg. E-mail: rusakova_mail@mail.ru

**CONTEMPORARY POLITICAL THEORY/PHILOSOPHY
IN THE MIRROR OF MATTHEW J. MOORE` RESEARCH**

Abstract: The article is devoted to critical analysis of the results of research of the status of contemporary American political theory/philosophy, conducted by Matthew J. Moore. The results of the research were presented at the APSA Symposium in 2009. The importance of the research carried out by M. J. Moore, as well as the importance of its goal - defining the place of political theory in political sciences, obtaining information about the level of influence of particular political philosophers on the minds of American political theorists and on the participation of respondents in the activities of public and scientific associations – is underlined. Moore`s commitment to quantitative approach in analyzing scientific outlook of political theorists, as well as subjective method used in rankings contemporary and future political theorists of our time and the near future, is criticized. The authors express their appreciation of a number of critical comments made by Moore`s reviewers during the discussion. At the same time, the research done by Moore, to authors` opinion, may encourage similar studies in other national communities of political sciences, including Russian political philosophers.

Keywords: political theory, political philosophy, political theorists, American political science, American Political Science Association, positivism, qualitative methods, qualitative methods.

***The transliteration of the list of literature
(from the cirillic to the latin symbols) is submitted below***

BIBLIOGRAFICHESKIJ SPISOK

1. *Batler Dz.* Psihika vlasti: teorii sub#ekcii. Har'kov: Har'kovskij centr gendernyh issledovanij (HCGI) ; SPb.: Aletejja, 2002. 168 s.
2. *Benhabib S.* Pritjazanija kul'tury. Ravenstvo i raznoobrazie v global'nuju jeru : per. s angl. / pod red. V.I. Inozemceva. M. : Logos, 2003. 350 s.
3. Materialy k otchetno-vybornoj konferencii Obshherossijskoj obshhestvennoj organizacii Rossijskoj asociacii politicheskoj nauki, Moskva, 25 nojab. 2010 g. M., 2010. 50 s.
4. *Rusakova O.F.* Politicheskaja filosofija: predmet, koncept, diskurs. Ekaterinburg: Izdat. Dom «Diskurs-Pi», 2012. 400 s.
5. *Rusakova O.F.* Intellektual'nye vehi i diskursnye povoroty v istorii sovremennoj politicheskoj filosofii // Nauch. ezhegodnik In-ta filosofii i prava Ural. ot-d-nija Ros. akad. nauk. 2011. Vyp. 11. S. 7-22.
6. *Ackselberg M.* Political Theory Today: Who Is Teaching What To Whom? Some Reflections // PS : Political Science & Politics. 2010. Vol. 43, is. 2, apr. P. 279-282.
7. *Dean J.* Theory Survey or Survey Theory? // PS : Political Science & Politics. 2010. Vol. 43, is. 2, apr. P. 273-274.
8. *Fergusson K.* Subfield Hockey: a Reaction to Matthew Moore's National Survey of Political Theorists // PS: Political Science & Politics. 2010. Vol. 43, is. 2, apr. P. 275-277.
9. *Moore M.J.* The Profession Symposium Political Theory Today: Results of a National Survey. // PS : Political Science & Politics. 2010. Vol. 43, is. 2, apr. P. 263-272.